

Традиционализм как реакция на революцию: истоки современной идеологии «традиционных ценностей» и евразийства 1920-х годов¹

Рустем Вахитов

Кандидат философских наук, доцент.

Уфимский университет науки и технологий (Уфа).

Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. З. Валиди, д. 32.

Уфимский государственный нефтяной технический университет (Уфа).

Российская Федерация, 450062, Уфа, ул. Космонавтов, д. 1.

E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме традиционных ценностей, их связей и противоречий с ценностями, порожденными социальными, политическими и культурными революциями. Автор считает, что традиционные ценности – это ценности, характерные для определенного стабильного этапа развития общества; они связаны с существующими в этом обществе традициями, и, будучи своеобразным синтезом элементов мировоззрения общества традиционного типа и современного общества, у каждой эпохи они свои. Они утверждаются в обществе как реакция на предшествовавшую им революцию в политике и культуре. Современные российские традиционные ценности, ставшие мейнстримом нашей идеологии в 2020-е годы, представляют собой реакцию на нигилизм 1990-х. Но схожая эпоха нигилизма, только по отношению к имперской России и ее традиционным ценностям, была в 1920-х. Реакцией на тот нигилизм была идеология евразийства, возникшая в эмиграции. Автор подробно рассматривает соотношение большевистского мировоззрения и мировоззрения евразийства. В заключении сделан вывод, что реакция никогда не возвращает к прежнему положению вещей: новые традиционные ценности и схожи со старыми, и отличаются от них.

Ключевые слова: традиционные ценности, евразийство, 1990-е, 1920-е, традиции, революции, большевизм, глобализм, цивилизационный подход евразийцев, западничество, апология Востока

Для цитирования: Вахитов Р. Р. (2024). Традиционализм как реакция на революцию: истоки современной идеологии «традиционных ценностей» и евразийства 1920-х годов // Patria. Т. 1. № 4. С. 29–43.

Введение

«Традиционные ценности» стали мейнстримом современной российской культуры. Мы слышим о традиционных ценностях из уст известных журналистов, авторов и ведущих популярных телешоу, от политиков разного ранга, начиная с мэров и губернаторов и кончая министрами и президентом. Традиционные ценности отождествляют с нормальными отношениями между людьми, между мужчинами и женщинами, между родителями и детьми, старшими и младшими, а их антипод – «либеральные», «западные», «постмодернистские» ценности и мировидение объявляют безнравственными, нигилистическими, опасными и разрушающими отечественную национальную культуру, мораль как таковую. Как правило, и традиционные, и либеральные ценности понимают максимально широко и даже расплывчато. До определенного времени рефлексия над традиционными ценностями и агитация за них были уделом оппозиции,

но постепенно лексика «левопатриотической оппозиции» стала звучать в выступлениях представителей «партии власти» и государственного аппарата. Наконец, в 2022 году эти ценности получили официальную формулировку в президентском Указе № 809, который так и называется: «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нем к традиционным российским ценностям были отнесены

жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. (Указ, 2022).

Указ утверждает, что они представляют собой

нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны... основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России (Указ, 2022).

При этом в Указе подчеркивается связь между этими ценностями и традиционными религиями России – прежде всего, русским православием:

Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию (Указ, 2022).

Современный политический философ Д. Давыдов считает, что современная идеология «традиционных ценностей» – «оборонительная стратегия противостояния тому, что обозначается как западные ценности» (Давыдов, 2024: 50) и что создание и культивирование идеологии традиционных ценностей есть результат «социальной и культурной экспансии» Запада против России. Полагаем, с этим трудно не согласиться: реактивный характер «традиционных российских ценностей» очевиден (хотя заметим при этом, что в их число попал и ряд ценностей, характерных для либерального, демократического, западного дискурса – достоинство, права и свобода человека, гражданственность). Недружественная и подозрительная политика Запада по отношению к новой, постсоветской России, пожелавшей разорвать с «коммунистическим прошлым», не подлежит сомнению для всякого, кто смотрит на новейшую политическую историю без предубеждения. В то же время необходимо признать, что в меньшей мере это реакция и на предшествовавший период постсоветской истории – так называемые «лихие девяностые», когда нигилистическое отношение к национальной культуре, истории, религии и даже самому отечественному государству и идеологии патриотизма распространилось чрезвычайно широко и было доминирующим в кругах российских интеллектуалов и в медиапространстве. Со страниц газет и журналов, из ради-

оприемников и с экранов телевизоров бывшие диссиденты, а то и вчерашние преподаватели Института марксизма-ленинизма, превратившиеся в самых радикальных и фанатичных сторонников неолиберализма и американизма, внушали читателям и зрителям, что Россия является «отсталой», «ненормальной» страной с «неправильными» историей и культурой. Так, советский диссидент, а затем популярный политик из лагеря либеральных радикалов Валерия Новодворская писала в 1994 году в газете «Новый взгляд»:

С XVI века мы существуем по законам маниакально-депрессивного психоза, ставшего лет через сто уже национальным характером. «И перед властью презренные рабы...». Перед твердой и жестокой властью. Перед слабой властью – разнузданные анархисты, разбойнички, воры, из социального аутсайдерства шагнувшие в перманентный мятеж неврастеников. Ослабевшая вожжа тут же попадает маниакально-депрессивному народу под хвост, и бешеные кролики, еще вчера довольствовавшиеся морковкой, выдаваемой по карточкам, жаждут крови и человеческого мяса, как в 1917 году, как в октябре 1993 года (когда они готовы были сжечь Москву, но не жить по-человечески), как 12 декабря 1993 года, когда бешеные кролики проголосовали за мировой пожар. Вот оно, русское чудо и загадочная русская душа! Маниакально-депрессивный психоз! (Новодворская, 1994).

И ведь это не некое одиночное выступление экзальтированной стороны западничества. В 1990-е годы очернение национальных святых и национальных героев стало мейнстримом крупнейших телевизионных каналов (таких как НТВ) и печатных изданий (таких как «Московский комсомолец»). Шли постоянные и бесконечные «развенчания», представлявшие предателями, преступниками и безумцами Александра Невского и Владимира Крестителя, Георгия Жукова и Зою Космодемьянскую (не говоря уже про «сакральные фигуры» советской идеологии – Ленина, Дзержинского, Сталина). Либеральные историки доказывали, что уже много веков Россия идет ошибочным путем развития; споры были лишь о том, когда Россия свернула с «правильного пути»: по мнению одних – при князе Владимире, по мнению других – при Иоанне Грозном, по мнению третьих – при Петре Первом, чаще же всего временем «рокового поворота» называли 1917-й. Показательны, например, слова историка Александра Янова, еще в 1970-х переехавшего в Америку и в 1990-е ставшего активно печататься на бывшей Родине: «Действительно ведь вела страну Русская идея от несчастья к несчастью... сомнений быть не может... гипотеза доказана экспериментально» (Янов, 2015, 10).

В определенных кругах, считавших себя элитой общества, в это время становится расхожей фраза Сэмюэля Джонсона «Патриотизм – это последнее прибежище негодяев», которую приписывали то Льву Толстому, то Уинстону Черчиллю. Этой фразой «западники» стремились уязвить, унижить патриотов России, не желавших мириться с апофеозом национально-нигилизма.

При этом синонимом нормы, успеха, правильного пути развития становится Запад и особенно – США как лидер «коллективного Запада». 1990-е стали временем триумфа настоящего «западопоклонства», когда бездумное восхищение всем западным привело не просто к подчеркнутому отказу от собственных, веками выработанных ценностей и идеалов, но и к

своеобразному параличу инстинкта государственного самосохранения. Беспрецедентное одностороннее разоружение СССР при Горбачеве, вывод советских войск из Восточной Европы, согласие на переход стран бывшего «Варшавского блока» в стан «коллективного Запада», самороспуск СССР руководителями трех его республик – все это во многом проистекало из наивной веры в то, что Запад – это не жесткий и коварный геополитический противник, а глобальный филантроп. Об этом прямо сказал президент РФ В. В. Путин в интервью Такеру Карлсону в феврале 2024 года:

Россия добровольно и инициативно пошла даже на развал Советского Союза и исходит из того, что это будет понято так называемым ... «цивилизованным Западом» как предложение к сотрудничеству и союзничеству... после 1991 года, когда Россия ожидала, что ее возьмут в братскую семью «цивилизованных народов», ничего подобного не произошло. Вы же нас обманули... Соединенные Штаты... обещали, что не будет расширения НАТО на восток, но это произошло... (Путин, 2024)

Нельзя не добавить к этому, что индивидуализм, идеи капиталистической конкуренции, материальной успешности в годы нелиберальных реформ Ельцина и Гайдара фактически преподносились как основные принципы официальной идеологии. Воплотившие эту идеологию в жизнь «новые русские» изображались в СМИ, в произведениях массового искусства, особенно в массовом кино, как «герои своего времени». Коллективизм, нестяжательство, самопожертвование, напротив, рассматривались как некие отклонения от нормы, наличествовавшие в нашей истории лишь вследствие того, что их насильственно насаждало «деспотическое государство». Наконец, именно на 90-е приходится невиданная в истории России (сравнимая разве что с «сексуальной революцией» ранних 1920-х) атака на семью, идеалы целомудрия, отцовства и материнства, ведется широчайшая пропаганда сексуальной распушенности, разного рода перверсий.

Неким диссонансом с общим «стилем эпохи» было возрождение русского православия, начавшееся с конца 1980-х и продолжавшееся все 1990-е. Прекратились любые гонения на религию, напротив, новая власть всячески подчеркивала, что она осуждает государственный атеизм «коммунистического прошлого», демонстрировала свою лояльность к церкви; строились новые храмы, открывались воскресные школы, православные вузы, чиновники публично посещали церковные праздники (что раньше было немыслимо), на высших государственных мероприятиях (например, инаугурациях президента) присутствовали главы традиционных конфессий. Впрочем, если мы в полной мере осознаем, что традиционные ценности в понимании людей, которое большую часть жизни провели в советском обществе, ассоциировались с советским мировоззрением, мы поймем, что либеральная революция 90-х обязательно, отрицая советский атеизм, должна была противопоставить ему религию. Революция – всегда отрицание *традиции, как последняя понималась на предшествующем этапе развития общества.*

Другое дело, что сами ценности православия (в отличие от западного протестантизма) плохо «стыковались» с мировоззрением индивидуализма, материального успеха и потребления, которое стало официальной идеоло-

гией экономических реформ 90-х. Конфликт между ними был неизбежен. Он и стал причиной смычки части православной общественности и даже клира РПЦ с оппозицией: так, в газете «красной оппозиции» «Советская Россия» в 1996 году стала выходить страничка «Русь православная» по благословению митр. Иоанна (Снычева), а священник Димитрий Дудко, бывший жертвой гонений в советские времена, превращается в сталиниста и «духовника» газеты «Завтра».

Оппозиция 90-х представляла собой очень сложное по составу явление. В борьбе с нигилистической парадигмой неolibеральной власти объединились «правые» и левые», коммунисты и монархисты. Возникла так называемая «лево-патриотическая оппозиция», идеологи которой – В. В. Кожин, С. Г. Кара-Мурза, Ю. П. Белов, В. С. Бушин, А. А. Зиновьев, – анализируя и резко критикуя «антикультурную и антипатриотическую революцию» 1990-х, первыми стали формулировать парадигму «традиционных ценностей» как основы российской культуры и идентичности. Многие были ими сделаны для отстаивания и обоснования идеалов коллективизма, патриотизма. Но не им предстояло провозгласить их на официальном, государственном уровне и реформировать в согласии с ними государственную политику. В «холодной гражданской войне» 1990-х между «новыми революционерами» (крайними неolibералами-западниками) и «новыми консерваторами» («левопатриотической оппозицией»), как всегда, победила «третья сила». Так уже было в истории России, причем, не так уж и давно, в 1920–1930-е годы.

Параллели между 1990-ми и 1920-ми

Нельзя спорить с тем, что преобразования конца XX века при всей их драматичности все же несравнимы по глубине с тем тектоническим цивилизационным разломом, который произошел в 1917–1921 годы. Вместе с тем трудно и не заметить сходство между советскими «революционными двадцатыми» и антисоветскими «лихими девяностыми». Для коммунистов 1920-х в неменьшей мере были свойственны высмеивание и очернение российской дореволюционной истории и ее героев, чем для журналистов либеральных газет и телеканалов 1990-х. Поэт-комсомолец Джек (Яков) Алтаузен писал в 1930 году:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал,
Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Россию!
А может, лучше было не спасать?

Критики из числа адептов Пролеткульта в 1920-е отрицали народность поэзии А. С. Пушкина, объявляли великого национального поэта идеологом помещиков-крепостников и выдавали это за подлинный марксистский взгляд на литературу (впоследствии столь виртуозно подвергнутый разгрому М. А. Лифшицем).

Изображая Россию варварской, отсталой страной, в 1920-е ей противопоставляли «развитый» Запад. Коммунисты 1920-х вообще были рьяными западниками и в этом они тоже вполне сопоставимы с Егором Гайдаром и Валерией Новодворской. Так, эмигрант Петр Савицкий был глубоко возмущен речью Карла Радека – в 20-х одного из ярких публицистов троцкистской оппозиции – на Первом съезде советских писателей. Радек говорил там:

Когда мы приближаемся мысленно к таким странам, как Франция, мы должны всегда помнить то, что ощущал Герцен, когда в первый раз был в Кельне. Он сказал, что каждый камень этого древнего города имеет большую историю культуры, чем все здания царской России 50-х годов. И, товарищи французские писатели, вы правы, когда указываете нам на это прошлое, которое у вас создало больше индивидуальностей, чем их создала царская Россия (Савицкий, 1935: 5).

Савицкий резко возражает на это:

Не знаешь, чему больше удивляться: невежеству или лживости этих слов. Или те, кто создал великое государство, объединившее в своих пределах «одну шестую» мира, о которой так любят говорить и коммунисты, – или эти люди были «меньше» тех, которые создавали французское государство на западном краешке Европы?! (Савицкий, 1935: 6)

Большевики 1920-х годов были «красными глобалистами»: они жили ожиданием скорого исчезновения национальных государств с их патриотизмами; по их убеждению, очень скоро человечество должно было слиться в единую, бесклассовую, коммунистическую цивилизацию. При этом они не скрывали: общие принципы этой мировой цивилизации будут заданы западной, европейской и американской цивилизациями как самыми «передовыми». Ни о какой «борьбе с американизмом» в СССР тогда не шло даже и речи! Наоборот, Америка как страна индустриализма, рационализма, больших скоростей, новейших технологий воспринималась как образец для подражания. Сталин говорил в беседе с немецким писателем Э. Людвигом в 1931 году: «...мы уважаем американскую деловитость во всем – в промышленности, в технике, в литературе, в жизни» (Сталин, 1931).

Сейчас уже мало кто помнит, что А. В. Луначарский был, например, сторонником перевода русского языка с кириллицы на латиницу (языки тюркских народов тогда были переведены на латинский алфавит – яналиф), а среди пролеткультовцев 1920-х была распространена мода на английский язык, потому что коммунистическое человечество, по их мнению, будет пользоваться английским языком. Как это напоминает концепцию Фукуямы, согласно которой англо-американское «открытое общество» является собой высшую точку развития и «конец истории»!

Стремясь перенимать все «передовое» и «западное», радикальные коммунисты 1920-х зачастую стремились даже превзойти своих «учителей». Пришедшее из Европы авангардное искусство (футуризм, супрематизм, конструктивизм) чуть было не стало официальным в советской России. Превращение семьи в сугубо гражданский союз, либерализация в сексуальной сфере соответствовали тенденциям к эмансипации в Европе и США, но в СССР первых лет они достигли чрезвычайных размеров; дея-

тельность общества «Долой стыд!» предвосхищала «сексуальную революцию» ранней постсоветской России.

Казалось бы, параллель между 1920-ми и 1990-ми нарушается тем фактом, что большевики 20-х активно боролись с религией. Государство стало подчеркнуто светским, атеизм превратился в часть государственной идеологии, религия и ее представители подвергались преследованиям, в стране действовал «Союз воинствующих безбожников», который занимался агрессивной и оскорбительной антирелигиозной пропагандой, а в конце раннесоветского периода («длинные двадцатые» продолжались в СССР фактически до 1935 года) была предпринята попытка полного уничтожения религиозных верований («безбожная пятилетка»). Однако религия и, прежде всего, русское православие были важнейшим элементом дореволюционной официальной традиции, так что борьба с ними большевиками 20-х, полагаем, была в чем-то аналогична борьбе с марксистской атеистической идеологией неolibералами 90-х. Если оставить в стороне конкретные случаи действительного религиозного обращения, чиновники в ранней постсоветской России насаждали религию исходя из тех же политических соображений, что и воинствующие безбожники в эпоху Троцкого и Каменева с Зиновьевым боролись с нею, – в ходе отрицания традиции предшествующего, дореволюционного этапа.

Естественно, разрушение традиций дореволюционной России не могло не вызвать в обществе 1920-х годов сопротивления. Однако легальная оппозиция курсу, проводимому верхушкой ВКП(б), была тогда возможна лишь в рамках марксизма (и она не преминула возникнуть – в виде левого и правого «уклонов»). Как уже говорилось, разлом внутри российского общества в начале XX века был глубже, гражданская война носила не «холодный», как в 1990-е, а «горячий характер», и принципиальные политические противники были вынуждены эмигрировать (некоторых напрямую заставили это сделать – вспомним «философские пароходы»). Поэтому лишь в русском зарубежье, среди политических беженцев, в 1920-е формируются разные виды политических идеологий антибольшевистского толка, которые так или иначе отстаивали традиционные ценности (в понимании русских людей 1920-х годов). Одной из наиболее интересных таких идеологий было евразийство.

Политическая идеология евразийства как реакция на большевизм

Евразийство – это мировоззрение и политическое движение в эмиграции «первой волны», существовавшее в 1920–1930-е годы. Философ и критик Владимир Вейдле, пользовавшийся в свое время не меньшим авторитетом, чем Бердяев или Франк (но, увы, почти неизвестный современному среднему российскому интеллигенту), писал: «...евразийство, без сомнения, самое плодотворное и живое из идейных течений, возникших в эмиграции» (Вейдле, 1938: 279). Евразийцы выдвинули оригинальный взгляд на русскую географию, историю и культуру. В России они видели «срединный» континент между Европой и Азией – Евразию. Русских считали не европейцами, а народом «евро-азиатского фронта», впитавшего

и восточные влияния, а решающим событием в истории России называли вхождение русских княжеств в Монгольскую империю, предопределившее будущее российской державы как «властительницы Степи». Несмотря на внешнюю экстравагантность, эти взгляды были подкреплены серьезными аргументами, ведь в число евразийцев входили русские ученые мирового уровня: лингвист князь Н. С. Трубецкой, географ П. Н. Савицкий, историк Г. В. Вернадский, философ Л. П. Карсавин, правовед Н. Н. Алексеев. Специалисты по евразийству (показательны в этом отношении работы К. Б. Ермишиной) справедливо отмечают, что многие научные идеи евразийцев уходили своими корнями еще в дореволюционный период (евразийство, безусловно, связано с расцветом географии и ориентализма в предреволюционной империи; идеи антиевропоцентризма князь Н. С. Трубецкой обдумывал еще в 1910-е годы, а Г. В. Вернадский еще в дореволюционных работах писал о восточном направлении русской колонизации). Очевидно, однако, что политическая программа евразийства, выдвинутая уже в первом их сборнике («Исход к Востоку», София, 1921), была ответом на революцию и политику большевиков в период гражданской войны. Сами евразийцы писали в предисловии к этому сборнику:

Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения. Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами как поворотное, а не только переходное время. В совершившемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис и ожидаем от наступающего – глубокого изменения привычного облика мира (Исход к Востоку, 1921: III).

В частности, упор евразийцев на православие был, очевидно, реакцией на воинствующий атеизм большевиков. С самого начала евразийцы подчеркивали свою принадлежность к Православной церкви, резко критиковали не только материализм и атеизм, но и католицизм. В верности православию, вошедшему в сам быт русских («бытовое исповедничество»), они видели важнейшую черту русского национального характера. Еще в предисловии к «Исходу к Востоку» они замечали:

Мы чувствуем, что тайна вдохновенной эпохи нашей раскрывается не только в безбрежном разливе мистических ощущений, но и в строгих формах Церковной жизни. Вместе с огромным большинством русских людей мы видим, как Церковь оживает в новой силе Благодати, вновь обретает пророческий язык мудрости и откровения (Исход к Востоку, 1921: VI).

И в последнем манифесте «Евразийство», вышедшем в 1932 году, также говорилось:

Православные евразийцы придают первостепенное значение Православию в его обращенности к социальной жизни как праведному началу, на котором строится евразийское государство труда и общего дела. Евразийцы, принадлежащие к другим исповеданиям России-Евразии, подходят к тем же задачам от глубины своих религиозных убеждений (Евразийство, 1932: 3).

Подобного рода заявлений множество в евразийских статьях и книгах Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и так далее.

Как реакцию на западничество большевиков можно рассматривать и самое известное положение евразийской идеологии – о неевропейском, от-

части азиатском характере русской культуры. Как уже отмечалось, большевики рассматривали Россию как одну из отсталых европейских стран, которая стала «слабым звеном в цепи империализма». Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» называл русских представителями «великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии» (Ленин, 1960: 106–110). Савицкий до революции точно так же рассматривал Россию (только в понятие «империализм», в отличие от Ленина, он не вносил однозначно негативную коннотацию). Но революционные события заставили его изменить точку зрения. В статье «Поворот к Востоку» он с удивлением констатирует: «...в процессе войны и революции “европейскость” России пала, как падает с лица маска. И тогда... мы увидали Россию двуликой... Одним лицом она обращена в Европу, как европейская страна... Но другим ликом она отвернулась от Европы» (Савицкий, 1921: 1).

По Савицкому, вследствие революции, снесшей тонкий, вестернизированный высший слой российского общества, открылось истинное лицо России, и на этом лице – очевидно, азиатские черты:

...сама Россия не есть ли уже «Восток»?... Много ли найдется на Руси людей, в чьих жилах не течет хазарской или половецкой, татарской или башкирской, мордовской или чувашской крови? Многие ли из русских всецело чужды печати восточного духа: его мистики, его любви к созерцанию, наконец, его созерцательной лени? В русских простонародных массах заметно некоторое симпатическое влечение к простонародным массам Востока, и в органическом братании православного с кочевником или парием Азии Россия поистине является православно-мусульманской, православно-буддистской страной (Савицкий, 1921: 1–2).

Итак, если для большевиков Россия – это окраина Европы, то для евразийцев – «нейтральная земля между Европой и Азией» и в определенном смысле – самая западная часть Азии.

Далее, цивилизационный подход евразийцев – тоже, очевидно, антитезис глобализму большевиков. Большевики мыслили в терминах концепции общечеловеческой истории; по их убеждению, эта история подошла к новому своему этапу – коммунизму. Евразийцы сначала в лице Н. С. Трубецкого подвергли критике саму идею существования общечеловеческой культуры и цивилизации: Н. С. Трубецкой в «Европе и человечестве» доказывал, что под таковыми европоцентристы понимают, по сути, европейскую культуру и европейскую цивилизацию, навязывая таким образом европейские ценности всем другим народам. В лице же П. Н. Савицкого евразийцы стали отстаивать альтернативную идею о том, что человечество – просто сумма замкнутых культурно-географических миров (затем Савицкий назовет их «месторазвитиями»), один из которых – Россия–Евразия. Поэтому и революция предстает у них не как следствие противостояния мировой буржуазии и мирового рабочего класса, объединившегося с крестьянством, и, следовательно, как начало мировой революции, события мирового масштаба, а как локальное внутрисоветское явление и результат раскола российского общества, совершенного реформатором Петром Первым.

Соответственно, большевики были интернационалистами, а евразийцы еще в предисловии к первому сборнику писали: «В делах мирских настроение наше есть настроение национализма. ...мы думаем, что стихийный и творческий национализм, российский по самой природе своей, расторгает и разрывает стеснительные для него рамки “национализмов” западноевропейского масштаба» (Исход к Востоку, 1921: VII). Впоследствии Н. С. Трубецкой назовет это общевразийским национализмом:

...национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством (Трубецкой, 1927: 28).

Как видим, интернационализму большевиков евразийцы противопоставили национализм, но не этнический, русский, а особый, «цивилизационный», «евразийский».

Далее, большевики были, как бы парадоксально это ни звучало, антигосударственниками. Будучи на практике сторонниками самой жесткой диктатуры, в теории они провозглашали идеалом безгосударственное общественное устройство, при котором будет существовать федерация трудовых общин, самоуправляющихся посредством прямой демократии. Советы Ленин считал очень удобной институцией для обучения граждан навыкам общественного самоуправления и перехода от диктатуры пролетариата к реальному коммунизму. Евразийцы и тут занимали диаметрально противоположную позицию. Они были убежденными этатистами и считали, что без государства общество обойтись не может. Евразийский философ права Н. Н. Алексеев вслед за Аврелием Августином не отрицал того, что сама власть, предполагая насилие как один из главных своих инструментов, противоречит христианскому идеалу любви, но указывал, что, тем не менее, падшая природа человека предполагает, что всегда будут люди, которых нельзя будет заставить вести общественно приемлемый образ жизни одним убеждением (как мечтают коммунисты и анархисты). Власть и ее воплощение – государство – неизбежны в этом мире и будут существовать, пока существует этот мир. Евразийцы, таким образом, воспринимали коммунизм как утопию и считали себя политическими философами-реалистами.

Наконец, евразийцы были принципиальными противниками социализма. По их мнению, экономические эксперименты времен гражданской войны («военный коммунизм») привели лишь к тому, что «выяснились материальное и духовное убожество, отвратность социализма». Поворот большевистского руководства к НЭПу евразийцы восприняли как отказ большевиков от самих основ их программы, «экономическими Брест», отступление к государственному капитализму: «В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма» (Исход к Востоку, 1921: VI).

При этом евразийцы не отрицали необходимости государственной собственности в важнейших сферах экономики (таких как машиностроение, военное промышленность и так далее). Евразийцы даже приветствовали планирование, но идеал тотально огосударствленной административной экономики им был чужд (по крайней мере, в декларациях). В теоретической статье «Хозяин и хозяйство» П. Н. Савицкий доказывал, что хозяйин-общество (субъект хозяйствования при социализме) хуже справляется со своими обязанностями, чем хозяин-личность (индивидуальный субъект, которого Савицкий, однако, отличал от капиталистического предпринимателя и называл «добрый хозяин»). С самого начала евразийцы дистанцировались от народничества с его апологией русской крестьянской общины и работной артели и заявляли, что в сфере экономики они, будучи коллективистами, все же в большей степени сторонники экономического индивидуализма (правда, в конце концов, к 1930-м годам, они пришли к идее функциональной собственности, которая во многом была похожа на социализм с его доминированием государственной собственности).

Итак, для наглядности мы можем графически изобразить соотношение «традиционных ценностей» Российской империи, ценностей советской России 1920-х годов и ценностей, отстаиваемых евразийцами 1920-х годов.

Традиционные ценности имперской, дореволюционной России	Антитрадиционные ценности большевиков 1920-х	Традиционные ценности евразийцев 1920-х
Православие	Атеизм	Православие
Консервативно-капиталистическое западничество, признание России великой европейской державой	Коммунистическое западничество, признание России отсталой европейской державой	Антизападничество, апология Востока, признание России неевропейской, евразийской страной
Признание бытия общечеловеческой цивилизации	Признание бытия общечеловеческой цивилизации	Отрицание бытия общечеловеческой цивилизации, человечество – сумма культурно-географических миров (месторазвитий)
Имперская идея	Интернационализм	Общевразийский национализм
Этатизм в теории и на практике	Антиэтатизм в теории, этатизм на практике	Этатизм
Государственный капитализм с лакунами частной собственности	Государственный социализм с лакунами государственного капитализма и частной собственности (НЭП)	Государственный капитализм с лакунами частной собственности

Итак, евразийство действительно отрицает ряд ценностей советской России и таким образом возвращается к «традиционным ценностям» Российской империи. В этом смысле евразийство отчасти традиционная и консервативная идеология. Но при этом евразийство не реваншистская идеология: оно не признает ряд элементов идеологии дореволюционной имперской России (например, ее западничество), и в этом смысле евразийство несло в себе момент революционности.

Этим оно похоже на традиционные ценности современной России, которые впитали себя и часть идеологии, утвердившейся в 1990-х, например, концепцию гражданственности, прав и свобод человека.

Остается заметить, что подобно тому, как левые патриоты 1990-х не стали победителями либералов, но их идеи были использованы идеологами «консервативного поворота» 2010–2020-х годов, так и мечты евразийцев о победе их идеологии в СССР не сбылись. Идеология консервативного поворота 1930-х – сталинизм – была генетически связана с раннесоветским марксизмом, но некоторые ее тезисы удивительно напоминали евразийство и сменовеховство.

Заключение

Традиционные ценности – сложное явление, в котором переплетаются традиции и модерн (Павлов, 2024). Их нельзя сводить к абстракции ценностей традиционного общества, тем более, что чистого традиционного общества давно уже нет (так, Россия пережила несколько волн модернизации, начиная с Ивана Третьего). Если же говорить о традициях реального, здесь и сейчас существующего общества, то они меняются со временем, так что в разные эпохи они различны. В этом смысле показательны идеология современной постсоветской России и евразийство 1920-х годов: они воплощают собой, с одной стороны, верность традициям прошлого, а с другой стороны – избирательный к ним поход, учитывающий изменения, произошедшие в ходе социальных и культурных преобразований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с этнокультурным многообразием российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 годов (руководитель – академик В. А. Тишков).

² The article was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (head – Academician V. A. Tishkov).

ЛИТЕРАТУРА

Вейдле В. В. (1938). Россия и Запад // *Современные записки* (Париж). № 67. С. 260–280.

Давыдов Д. А. (2024). Прогрессизм против модерна. Чему противостоят российские традиционные ценности? // *Patria*. Т. 1. № 1. С. 50–69.

Евразийство. Декларация. Тезисы. Формулировка (1932). Издание евразийцев.

Исход к Востоку (1921). Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. I. София: Росийско-Болгарское книгоиздательство.

Ленин В. И. (1960). Полное собрание сочинений. Т. 26. 5-е изд. М.: Политиздат. С. 106–110.

Новодворская В. И. (1994). Россия № 6 // Газета «Новый взгляд». № 1 (15 января 1994 г.).

Павлов А. В. (2024). Кантианский патриотизм // Вопросы философии. № 10. С. 60–69.

Путин В. В. (2024) Интервью Такеру Карлсону. 9 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73411> (дата обращения: 12.11.2024).

Савицкий П. Н. (1935). К преодолению провинциализма // Евразийская хроника. Выпуск XI. С. 5–12.

Сталин И. В. (1931). Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Интервью_со_Сталиным_13_декабря_1931_г_\(Людвиг\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Интервью_со_Сталиным_13_декабря_1931_г_(Людвиг)) (дата обращения: 12.11.2024).

Трубецкой Н. С. (1927) Общевразийский национализм // Евразийская хроника. Выпуск VII. Париж: Евразийское книгоиздательство. С. 24–31.

Указ (2022) Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // ОСНОВЫ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.11.2024).

Янов А. Л. (2015). Русская идея. От Николая I до Путина. Кн. 1 (1825–1917). М.: Новый хронограф.

Traditionalism as a Reaction to the Revolution: The Origins of the Modern Ideology of “Traditional Values” and Eurasianism of the 1920s²

Rustem Vakhitov

PhD. (Philos.), Associate Professor.
Ufa University of Science and Technology (Ufa).
32 Z. Validi str., Ufa, 450076, Russian Federation.

Ufa State Petroleum Technical University (Ufa).
1 Kosmonavtov str., Ufa, 450062, Russian Federation.

E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of traditional values, their connections and contradictions with values generated by social, political and cultural revolutions. The author believes that traditional values are values characteristic of a certain stable stage of society's development, they are linked to the traditions existing in this society and each epoch has its own, being a kind of synthesis of elements of the worldview of a traditional type of society and a modernist society. They are being established in society as a reaction to the revolution in politics and culture that preceded them. Modern Russian traditional values, which have become mainstream in our ideology in the 2020s, are a reaction to the nihilism of the 1990s. But a similar era of nihilism, only in relation to imperial Russia and its traditional values, was in the 1920s. And the reaction to that nihilism was the ideology of Eurasianism, which arose in emigration. The author examines in detail the relationship between the Bolshevik worldview and the worldview of Eurasianism. In conclusion, it is concluded that the reaction never returns to the previous state of things, the new traditional values are both similar to the old ones and different from them.

Keywords: traditional values, Eurasianism, 1990s, 1920s, traditions, revolutions, Bolshevism, globalism, the civilizational approach of Eurasians, Westernism, the apology of the East

For citation: Vakhitov R. R. (2024). Traditionalism as a Reaction to the Revolution: The Origins of the Modern Ideology of “Traditional Values” and Eurasianism of the 1920s // *Patria*. Vol. 1. No. 4. P. 29–43.

doi: 10.17323/3034-4409-2024-1-4-29-43

REFERENCES

Vejdle V. V. (1938). Rossiya i Zapad [Russia and the West]. *Sovremennye zapiski (Parizh)*, no. 67, pp. 260–280.

Davydov D. A. (2024). Progressizm protiv moderna. Chemu protivostoyat rossijskie tradicionnye cennosti? [Progressivism versus Modernity. What are Russian Traditional Values Opposed to?]. *Patria*, vol. 1, no. 1, pp. 50–69.

Evracijstvo. Deklaraciya. Tezisy. Formulirovka (1932). *Evracijstvo. Deklaraciya. Tezisy. Formulirovka* [Eurasianism. The Declaration. Theses. The Phrasing], Izdanie evracijcev.

Iskhod k Vostoku (1921). *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhenie evracijcev. Kn.I* [The Exodus to the East. Premonitions and Accomplishments. The Statement of the Eurasians. Book I], Sofiya: Rosijsko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo.

Lenin V. I. (1960). *Polnoe sobranie sochinenij* [The Complete Works], vol. 26, Moscow: Politizdat, pp. 106–110.

Novodvorskaya V. I. (1994). Rossiya № 6 [Russia No. 6]. *Gazeta “Novyj vzglyad”*, no. 1 (15 yanvarya 1994 g.).

Pavlov A. V. (2024). Kantianskij patriotizm [Kantian Patriotism]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 60–69.

Putin V. V. (2024). Interv’yu Takeru Karlsonu [Interview with Tucker Carlson]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73411> (date of access: 12 November 2024).

Savickij P. N. (1935). K preodoleniyu provincializma [Towards Overcoming Provincialism]. *Evrazijskaya hronika*, vol. XI, pp. 5–12.

Stalin I. V. (1931). *Beseda s nemeckim pisatelem Emilem Lyudvigom 13 dekabrya 1931 g.* [A Conversation with the German Writer Emil Ludwig]. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Interv’yu_so_Stalinym_13_dekabrya_1931_g_\(Lyudvig\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Interv’yu_so_Stalinym_13_dekabrya_1931_g_(Lyudvig)) (date of access: 12 November 2024).

Trubeckoj N. S. (1927). Obsheevrazijskij nacionalizm [Pan-Eurasian Nationalism]. *Evrazijskaya hronika*, vol. VII, Paris: Evrazijskoe knigoizdatel’stvo, pp. 24–31.

Ukaz (2022). *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809* [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/19/2022]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of access: 12 November 2024).

Yanov A. L. (2015). *Russkaya ideya. Ot Nikolaya I do Putina. Kn. 1.* (1825–1917) [The Russian Idea. From Nicholas I to Putin. Book 1], Moscow: Novyj khronograf.